

ТВОРЧЕСТВО РАХМАНИНОВА И РЕЧЬ ДОСТОЕВСКОГО О ПУШКИНЕ

DOI 10.34685/HI.2026.23.26.005

Серегина Наталья Семеновна,

доктор искусствоведения,

научный сотрудник Российского института

истории искусств (Санкт-Петербург)

Email: nseregina@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает Пушкинскую речь Ф.М. Достоевского на торжествах открытия в Москве памятника Пушкину как важное событие в истории отечественной культуры. Подчеркивается, что прозвучавшие в ней идеи о русской культуре сохраняют свою актуальность и в настоящее время, и тем более понятен интерес к речи в культурной среде того времени. Внимание к теме пушкинской речи Достоевского автор считает особым «симптомом» русского зарубежья, поскольку прежде всего Пушкин и Достоевский составляли круг литературных интересов известных его представителей, причем не только писателей (Ремизов, Шмелев и др.). Многие положения Достоевского о Пушкине, считает автор, применимы к творчеству Рахманинова как в частностях, так и в общих планах. В статье показано, как творчество Рахманинова отражает историзм сюжетов Пушкина, отмеченных в речи Достоевского, воссоздает интонационный мир России в его исторических движениях и стремлении к всемирной отзывчивости в произведениях европейской программности и в сочинениях русской программности, представляющих мир России.

Ключевые слова: код русской культуры, интонационный мир России, пушкинская речь Достоевского, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, С.И. Танеев, С.В. Рахманинов, русское зарубежье.

Пушкинская речь Ф.М. Достоевского, произнесенная 8 июня 1880 г. на торжествах открытия в Москве памятника Пушкину (работы А.М. Опекушина) в московском Благородном собрании на заседании Общества любителей российской словесности, стала историческим событием, своими идеями о русской культуре поразив тогдашнюю публику, важными и в наше время. Ее смысл и значение разгадывают критики, писатели, философы.

Наиболее полно материалы об этом событии представлены в публикации П.Е. Фокина и А.В. Петровой [36] и работах В.А. Викторовича [11; 12].

По словам В.А. Викторовича, «очень скоро исходный текст Речи оброс разноречивыми интерпретациями и стал средоточием острой идейной борьбы, в которой столкнулись противостоящие друг другу модели исторического развития России. Для одних заявленная Достоевским русская "всечеловечность" была утопией, а для других – пророчеством» [12, с. 2].

Заседание 8 июня сопровождалось концертной программой, в которой предстали виднейшие имена русской культуры – Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, артисты императорских театров, оркестр и хор под управлением Н.Г. Рубинштейна. Были исполнены увертюра М.И. Глинки к опере «Руслан и Людмила», сцена из трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь», сцены из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» и др. Интересный факт: Чайковский в эти дни был в Каменке и 16 июня 1880 г. получил известие об исполнении своих сочинений в этом концерте: «На праздник Пушкина приезжали в Москву артисты Мариинского театра, сообщившие Анатолию, что роли разданы, что спевки хора начнутся летом, одним словом, что постановка решена. Это меня радует. Брат пишет мне, что на пушкинских вечерах Климентова два раза исполняла в костюме и при декорациях сцену письма Татьяны и с большим успехом». [37, с. 363].

Речь Достоевского имела сильное эмоциональное воздействие на публику: «Когда чтение кончилось, вся зала дохнула каким-то вздохом одной исполинской груди, до глубины потрясенной благородным экстазом любви и мира» [36, с. 178]. «Речь Достоевского вызвала бурю восторгов. Махали платками, потрясали шляпами, плакали. Крикам “браво” и рукоплесканиям не было конца <...> Я видел нескольких членов Общества, которые, сидя на своих креслах, во время чтения речи, просто заливались слезами» [36, с. 172, 173].

В зале присутствовала многочисленная московская, петербургская и провинциальная светская и духовная профессура, деятели музыкальной культуры Н.Г. Рубинштейн, Н.Д. Кашкин, С.И. Танеев и другие. Среди этих имен наиболее интересен в связи нашей темой композитор С.И. Танеев [18] как возможный информатор Рахманинова о том событии, оставившем глубокий след в русской культуре и в жизни многих его участников. Свидетельство о значительности этих впечатлений для Танеева находим в его письме к П. Чайковскому от 06.08.1880 года о Пушкине и об этом Пушкинском празднике: «Мне было весьма приятно услышать на Пушкинском празднике подробность его биографии, дотоле мне неизвестную, именно: под конец жизни он записывал народные выражения, прислушивался, как говорит народ. „Надо учиться русскому языку у просвирен“, – его подлинные слова. Эти слова мы должны помнить и обращать свои взоры к народу» [38, с. 55].

Касаясь мировоззренческих оснований творчества С.И. Танеева, Г.У. Аминова отметила близость танеевской образной сферы положениям пушкинской речи Достоевского: «...свойство “всемирной отзывчивости” (Достоевский) танеевского духа воспринимается не как стремление образованного русского человека “дотянуться” до стандартов западноевропейской цивилизации, но как живая нить, “пуповина”, связующая духовный мир русского композитора со всей вселенной. Это присущее Танееву видение национального сквозь призму общечеловеческого – способность, характерная для многих художников и мыслителей культуры рубежа XIX–XX веков» [1, с. 175].

Сергей Иванович Танеев был музыкантом особого склада. Он в 20 лет составил «план жизни» – чего он хочет достичнуть. В 52 года Танеев признался: «Когда я был очень молод, я составил себе расписание того, что я должен сделать до пятидесяти лет, – и все, что я наметил себе, я сделал. Так как я рассчитываю прожить сто лет, то я занят теперь тем, что составляю себе расписание на вторые пятьдесят» [13; 33]. И не надо сомневаться, что Танеев рассказывал Рахманинову о том событии 8.6.1880. Танеев передал Рахманинову творческие принципы системности и глубины творчества.

Рахманинов, редко высказывавшийся в печати, откликнулся на кончину учителя (текст, озаглавленный «Воспоминания» – продиктованная композитором и заверенная его подписью небольшая заметка о С.И. Танееве [8, с. 25]): «6 июня скоропостижно скончался Сергей Иванович Танеев: композитор-мастер, образованнейший музыкант своего времени, человек редкой самобытности, оригинальности, душевных качеств, вершина музыкальной Москвы, уже с давних пор, с непоколебимым авторитетом занимавший по праву свой высокий пост до конца дней своих. Для всех нас, его знавших и к нему стучавшихся, это был высший судья, обладавший, как таковой, мудростью, справедливостью, доступностью, простотой. Образец во всём, в каждом деянии своём, ибо что бы он ни делал, он делал только хорошо. Своим личным примером он учил нас, как жить, как мыслить, как работать, даже как говорить, так как и говорил он особенно, “по-танеевски”: кратко, метко, ярко. На устах у него были только нужные слова» [25, с. 68–69].

Краткое высказывание Рахманинова о Танееве нашло продолжение в очерке Леонида Сабанеева «Воспоминания о Танееве», напечатанном в рахманиновском издательстве «Таир» [20, с. 79–80]. Отметим, что в нем Рахманинов публиковал не только свои сочинения [3], но и книги русских писателей-эмигрантов. Здесь, помимо воспоминаний Сабанеева [32], были опубликованы книги Н.К. Метнера [23], А.М. Ремизова [28], И.С. Шмелева [40], Н.В. Плевицкой [24]. Эти фигуры, отмеченные издательской инициативой композитора, требуют пристального рассмотрения в свете художественных предпочтений Рахманинова – как деятели его мировоззренческого круга, пережившие, как и он, историческую катастрофу утраты России [19].

Русскую эмиграцию соединяло стремление сохранить культурные коды России [4], одним из которых было имя и творчество Пушкина. И.А. Бунин в 1924 г., обращаясь к соотечественникам на вечере «Миссия русской эмиграции», говорил о задаче сохранения русской культуры для будущей России: «да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для

неправедного времени сего, и для будущих праведных путей самой же России <...> Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас» [9].

Д.С. Мережковский в речи «Пушкин с нами» (1937) выразил общее чувство спасительности этого имени для России: «День русской культуры – день Пушкина. Что он для нас? Великий писатель? Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа. И еще больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. И сколько бы ни уверяли, что ее уже нет, потому что самое имя России стерто с лица земли, нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет» [22].

Метнер в трактате «Муза и мода» убеждает читателя в неколебимости Красоты, приводя полный текст стихотворения Пушкина «Муза» (В младенчестве моем она меня любила...) [23, с. 21].

Мироощущение Рахманинова в зарубежный период передают его известные всем слова (1934 г.): «У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний» [25, с. 131].

Можно сказать, что внимание к теме пушкинской речи Достоевского как ядру русской темы было особым «симптомом» русского зарубежья. Ей были посвящены произведения Ремизова и Шмелева.

Алексей Михайлович Ремизов (1877-1957) – писатель, эссеист, рисовальщик. В издательстве «Тайр» были опубликованы наиболее значимые его произведения: «Взвихренная Русь» (сцены народной жизни в России с 1917 по 1921 год.) (1927), «Три серпа» (1929) и «Посолонь. Волшебная Россия» (1930).

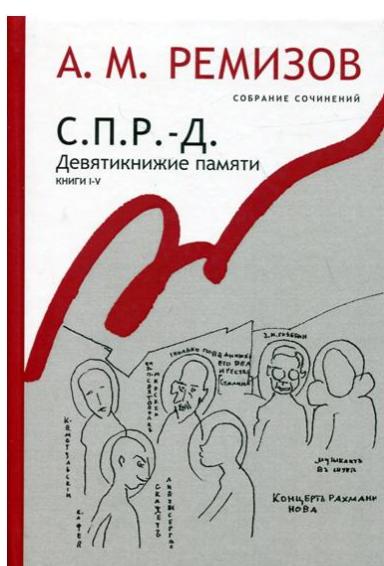

Рисунок А.М. Ремизова «Концерт Рахманинова» на обложке издания

На одном из своих рисунков, подписанном «Концерт Рахманинова», Ремизов запечатлел Рахманинова (без какого-либо портретного сходства, определил позой пианиста) и его слушателей (именованных в рисунке) на одном из концертов, на котором, согласно дневниковой записи Серафимы Павловны Ремизовой, они присутствовали (23 марта 1934 г, 5 февраля 1936 г, 2 апреля 1936 г.) [30, с. 360-363].

Критик И. П. Демидов писал предупреждение к этим парижским концертам: «Рахманинов унес свое "святая святых" на чужбину, чтобы там хранить его, и им служить все той же России, – сейчас поруганной и попранной, но ценою невероятных страданий приближающейся к радостному дню своего воскресения») [цит. по: 20, с. 89-90].

В 1937 г. Ремизов был членом Центрального Пушкинского комитета в Париже. Тогда же был напечатан ряд юбилейных заметок Ремизова о Пушкине, в том числе «Дар Пушкина», с наибольшей полнотой отразившей ремизовское отношение к поэту. Характерным для Ремизова свойством парадоксальности отмечена и заметка под названием «Пушкинская речь», представлявшая реплику на речь Достоевского [31, с. 270-271, 622].

Иван Сергеевич Шмелёв (1873-1950) опубликовал в издательстве «Тайр» два выпуска сочинений: «Про одну старуху. Новые рассказы о России» (1927) и «Свет разума» (1928).

В рассказе, давшем название сборнику, речь идет о молитве в эпоху разрушения и поношения веры и используется цитата из второй строки Рождественского Тропаря [34, глас 4]:

Рождество Твое, Христе Боже наш,
возсия мирови свет разума,
в нем бо звездам служации,
звездою учахся,

Тебе кланятися Солнцу Правды,
и Тебе ведети с высоты востока:
Господи, слава Тебе.

Персонаж рассказа – священник, сокрушающийся о силах, творящих препоны молитве в храме, восклицает: «Славить Христа – кому? Кому петь: "Возсия мирови Свет Разума?.." Свет-то Разум хранить надо? Хоть в помойке и непотребстве живем, а тем паче надо Его хранить <...> Высший Разум – Господь в сердцах человеческих. И не в едином, а купно со всеми» [43, с. 76].

Пушкин и Достоевский были авторами, входящими в первый круг литературных интересов Шмелева [14; 45]. Он запечатлел свои детские воспоминания о подготовке в Москве к открытию памятника Пушкину в рассказе «Как мы открывали Пушкина»: «Я понимаю, но очень смутно. "Пушкину" открывают памятник. Будет торжество. Он есть, где-то. У нас никто про него не знает, но он – "великий человек". Отца я боюсь спрашивать: скажет, как всегда, – "да ступай-играй, братец... не твое это дело". Сестры не объясняют, отмахиваются: "ну, который стихи писал, поэт-Пушкин... ну, памятник ему ставят!"» [43, с. 284]. В рассказе слышатся голоса людей из народа: «Помни, что вся Россия будет открывать. По-нял?! – Будь-койны-с, пымассс... – Великому человеку памятник, Пушкину! Все знаменитые люди будут» [43, с. 283]. На открытии памятника – «Музыка была полковая, генерал-и-губернатор были... и все пи-чатели, венки держали зеленые, лавры... Так все довольны были... Сдернули парусину – и открылось! Все ура закричали...» [43, с. 286]. О билетах на вечер, посвященный открытию памятника: «Я помню эти билетики. Они остались лежать в кабинетике на столе. Лежали долго, до осени... Я перечитал их все, и везде было одно и то же, – помнится: "Билет для входа на торжество освящения и открытия памятника А.С. Пушкину... сего июня месяца 1880 года". Потом я играл ими, домики из них строил» [43, с. 285]. Заканчивается рассказ знаменательной фразой: «Открывшийся мне в первые годы детства духовный его образ с годами стал только глубже и, пожалуй, еще необъяснимей» [43, с. 288].

В 1937 г. Шмелев, вместе с А.В. Карташевым и Д.С. Мережковским, выступил на торжественном заседании Пушкинского комитета «Пушкин: 1837–1937» – «Речь, прочитанная на торжественном собрании в Варшаве 11 февраля 1937 года "Заветная встреча"». Свою Пушкинскую речь он начинает с Достоевского и продолжает говорить опять о Правде как мериле эстетики: «Пушкин, – сказал Достоевский в московской речи на торжествах открытия памятника великому поэту, – "преклонился перед правдой русского народа". Что же это за правда? – А вот самый тот путь, принятый нами от купели, – нести в мир Правду, всех и вся примиряющую, Божиим освятить мир» [42; 20].

В письме к И. Ильину Шмелёв высказывается в том же роде: «Правда – в людях, не книжная. К людям Христос пришел и не книжное принес, а – жизнь, именно – Свет Разума» [17]. И тут же раскрывает свою личную сопричастность не только к теме рассказа «Свет разума», а прямо к теме Рождественского Тропаря как сердцевины своего мировоззрения о Правде: «Я не мыслитель, не политик. Я – русский человек и русский писатель. И я стараюсь прислушиваться к правде русской, т.е. к необманывающему, к совестному голосу духа народного, которым творится жизнь» [17]. Это высказывание Шмелеваозвучно словам Рахманинова (1941 г.): «Я – русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера, и потому это русская музыка...» [26]

И так же, как Бунин и Мережковский, Шмелев думал о будущем России: «Для России – надо сберечь детей. Скоро десятилетие, как мы здесь, – живая Россия на чужбине, свободная Россия. Не гордое это притязание так называть себя: это действительность, это строгое послушание, данное нам судьбой, историей. Мы должны быть Россией на чужбине <...> нести великое послушание» [41]. Рахманинов воплотил эту задачу на уровне великого художника, запечатлев образ России в музыке не только для потерявших ее в трагических событиях своего времени, но для всего мира и для самой России [7].

Творчество Рахманинова основано на некоем Замысле, ясно проступающем, хотя и не выраженном вербально. Рахманинов, скромный на словесные комментарии своего творчества, создал свое **высказывание** на собственно музыкальном языке, которое, перефразируя слова Достоевского о Пушкине, «мы теперь без него разгадываем» [2]. Творчество Рахманинова отражает историзм сюжетов Пушкина) [5], названных в речи Достоевского. Многие положения Достоевского о Пушкине применимы к творчеству Рахманинова и в частностях, и в общих планах, начиная с опер «Алеко» и «Скупой рыцарь», с образа Пимена, отмеченного Достоевским – в образах древней Руси, лирически

монументально представленных во Всенощной Рахманинова и в «Симфонических танцах» [35] с их образом бряцания древних битв и победой древнерусского распева над грозным Dies irae; полетностью танцевальных «воспоминаний» о *той* России, отсвечивающих онегинской элегичностью.

И уже в самой первой, еще до «Алеко», в студенчестве созданной симфонической поэме «Князь Ростислав» [39] по мотивам поэмы Алексея Толстого – на сюжет эпизода Летописи и «Слова о полку Игореве» о гибели князя Ростислава в Стугне-реке в сражении 1093 года. Обращение композитора в самом начале творческого пути к теме Древней Руси (1891) [27] крайне важно для понимания музыкальной лествицы Рахманиновского космоса, уже здесь совершенного, зrimо программного, пронизанного грозными трубными звучаниями, энергийными ритмами конской скачки и созерцательными пространствами образов водной стихии, поглотившей («затворившей») князя Ростислава. Связь первого оркестрового сочинения со «Словом о полку Игореве» не отмечена в пятитомной энциклопедии «Слова о полку Игореве», как не упоминается и поэма Алексея Толстого [46].

Творчество Рахманинова тематически соприкасается с пушкинской речью Достоевского и в полноте национальной идеи как всемирной отзывчивости, выведенной Достоевским на уровень главного качества русской культуры: Пушкин «обладал такою способностью всемирной отзывчивости... И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт» [15].

Рахманинов в своем творчестве воссоздал интонационный мир России в его исторических движениях [5; 6] и стремлении к всемирной отзывчивости в произведениях европейской программности («Франческа до Римини» «Остров мертвых», «Вариации на тему Корелли, Вариации на тему Паганини»), и в сочинениях русской программности («Весна», «Три русские песни», «Литургии» и «Всенощной»), и в симфониях и концертах, не озаглавленных программно, но ярко представляющих интонационный мир России, его мелодизм.

Феномен рахманиновского мелодизма, в попытках объяснить его устройство, музыковеды связывают с введенным для этого понятием «микротематизма». Однако этот музыковедческий термин, логико-психологически, противоречит духу живой стихии масштабного мелодизма Рахманинова, игнорирует его высокий всеобъемлющий философский смысл. По словам В. Вальковой, «термин "микротематизм" <...> отличается характерной необязательностью и приблизительностью и существует в нашей науке как бы "на птичьих правах"» [10]. Мелодика Рахманинова ассоциируется скорее с противоположным понятием – «макротематизма», который осуществляется во «Всенощной» Рахманинова пространным цитированием целостных древнерусских песнопений при раскрытии их полифонического потенциала в рахманиновской фактуре и гармонии, в которых Рахманинов гениально прозревает многоголосие монодии и образы созерцания богосотворенного мира, погружения в природную и божественную красоту бытия.

Три гения – Пушкин, Достоевский, Рахманинов – сформировали код русской культуры. Пушкин, говорят, создал русский язык. Хотя не только он один. Были Арина Родионовна, Крылов, Грибоедов и не только. Рахманинов тоже не один: с ним древние безымянные песнотворцы, Федор Крестьянин, Глинка, Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков, Аренский, Калинников. И Прокофьев, и Свиридов.

Рахманинов, великий свидетель переломной эпохи, выразил величие, сердечность и боль русского мира, боль недостижимой *всеотзывчивости*, почерпнув ее из глубин русского миросозерцания дарованной ему силой Откровения о трепетной ценности каждого мгновенья бытия России. Повторим слова современника композитора: «Сергей Васильевич Рахманинов унес свое "святая святых" на чужбину, чтобы там хранить его, и им служить все той же России» (1933).

Споры о всемирной отзывчивости России продолжаются и сегодня, а музыка Рахманинова остается универсальным посланием миру на языке русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аминова, Г. У. Мировоззренческие основания творчества С.И. Танеева в свете русской религиозно-философской традиции // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 26. – С. 173-180.

- [2] Антипина, Е. С., Прохоренкова, С. А. И.А. Бунин и С.В. Рахманинов: к вопросу о моделировании творческой языковой личности и ее картины мира // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 1. Ч. 2. – С. 396–410.
- [3] Антипов, В. И. Творческий архив С. В. Рахманинова: указатель произведений : сб. ст. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2013. – С. 56-57.
- [4] Бакунцев, А. В. Речь И .А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи // Ежегодник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына. 2013. – Москва : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2014. – С. 268-337.
- [5] Бекетова, Н. В. Творчество Рахманинова в свете традиции русской историософии // Музыкальная семиотика: история и методология науки. Семиотические аспекты музыкального творчества : по материалам Междунар. науч. конф. 16–17 нояб. 2006 г. : в 2 ч. Ч. I. – Астрахань : ДПО АИПКП, 2006. – С. 196-205.
- [6] Бекетова, Н. В. Сергей Рахманинов как духовное явление эпохи // Эпоха Сергея Рахманинова : к 125-летию С. В. Рахманинова : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов : ТГТУ, 2003. – С. 5-35.
- [7] Бекетова, Н. В. Концепция национального самосознания в русской музыке: к проблеме методологии // Музыкальная семиотика: перспективы и пути развития : Сб. ст. // Российский музыкальный альманах. – 2019. – № 1. – С. 25-31.
- [8] Бородин, Б. Б. «Апокрифы» Рахманинова // Музыка в системе культуры : науч. вестник Уральской консерватории. – 2023. – Вып. 34. – С. 24-40.
- [9] Бунин, И. А. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // Бунин, И. Великий дурман. – Москва, 1997. – С. 126-138.
- [10] Валькова, В. Б. Микротематизм: метаморфозы и научные ресурсы музыковедческого понятия // Музыкальная академия. – 2019. – № 3. – С. 198-217.
- [11] Викторович, В. А. Эффект «Пушкинской речи» в русской журналистике // Неизвестный Достоевский. – 2021. – Т. 8. № 2. – С. 122–156;
- [12] Пушкинская речь Ф.М. Достоевского как историческое событие / ред.-сост. Викторович В. А.). – Москва : Альма Матер, 2024. – 700 с.
- [13] Гольденвейзер, А. Б. Мои воспоминания // Танеев. Материалы и документы. Т. 1. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – С. 304.
- [14] Дзыга, Я. О. Жизнь пушкинских строк в творчестве И. С. Шмелёва // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2009. – № 3. – С. 55-61; Дунаев, М. Достоевский и Шмелев // Достоевский : материалы и исслед. : в 10 т. Т. 3. – Ленинград, 1978. – С. 217–221.
- [15] Достоевский, Ф. М. Речь о Пушкине // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 26. – Ленинград : Наука, 1984. – С. 145.
- [16] Есаулов, И. А. Пушкинская речь Ивана Шмелева: новый контекст понимания // Проблемы исторической поэтики. – 2013. – № 11. – С. 414.
- [17] И.С. Шмелев – И.А. Ильину 22/9 янв. 1927 г. // Ильин, И. А. Собрание сочинений : Переписка двух Иванов (1927–1934) / Сост. Ю.Т. Лисица. – Москва : Рус. книга, 2000. – С. 15.
- [18] История русской музыки в исследованиях и материалах : Т. 2: Сергей Иванович Танеев : Личность, творчество и документы его жизни. К 10-ти летию со дня смерти, 1915–1925 / Под ред. К.А. Кузнецова. — Москва ; Ленинград : Музсектор Госиздата, 1925. – 205 с.
- [19] Кузнецова, Е. М. Рахманинов в эмиграции: социокультурная и творческая адаптация: дис. ... канд. искусствовед. – Москва, 2016. – 269 с.
- [20] Стюарт Кэмпбелл. Русский Париж Сергея Рахманинова [=Stuart Campbell. The Russian Paris of Sergei Rachmaninoff] / подгот. публ. С. Г. Зверевой и Г. Л. Лапшинова // Muzikologija. – 2021. – Issue 30. – P. 75-104. – URL: https://www.researchgate.net/publication/353076739_The_Russian_Paris_of_Sergei_Rachmaninoff (дата обращения: 15.12.2025).
- [21] Любомуров, А. М. Иван Шмелёв между светской и церковной традициями // Христианство и русская литература : сб. ст. Сб. 5. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – С. 391-428.
- [22] Мережковский, Д. С. Пушкин с нами // А.С. Пушкин: pro et contra : Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т II. / Сост.: В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт-Петербург : РХГИ, 2000. – 704 с. С. 5.
- [23] Метнер, Н. К. Муза и мода. – Париж : Таир, 1935. – 154 с.
- [24] Плевицкая, Н. Мой путь с песней. – Париж : Таир, 1930. – 116 с.

- [25] Рахманинов, С. В. Литературное наследие : в 3 т. Т. 1 / сост. З.А. Апетян. – Москва : Сов. композитор, 1978. – 648 с.
- [26] Рахманинов, С. В. Музыка должна идти от сердца : [интервью с Дэвидом Иуеном] / публ. З. Апетян // Советская музыка. – 1973. – № 4. – С. 102-103.
- [27] Рахманинов, С. В. Князь Ростислав : Партитура. – Москва, 1947.
- [28] Ремизов, А. М. Взвихрённая Русь (сцены народной жизни в России с 1917 по 1921 год.) / – Париж : Таир, 1927. – 534 с.
- [29] Ремизов, А. М. Московские любимые легенды: Три серпа. Часть 1. – Париж : Таир, 1929. – 160 с.
- [30] Ремизов, А. М. Собрание сочинений Т. 17: С.П.Р.-Д. Девятинчие памяти. Кн. I–V / Ред. А.М. Грачева. – Санкт-Петербург : Полиграф, 2023. – 678 с.
- [31] Ремизов, А. М. Пушкинская речь // А.С. Пушкин : pro et contra : личность и творчество А. Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост: В.М. Маркович, Г.Е. Потапова. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. – С. 270-271.
- [32] Сабанеев, Л. С.И. Танеев : мысли о творчестве и воспоминания о жизни. – Париж : Таир, 1930. – 217 с.
- [33] Старостин, И. Танеев-учитель // Научный вестник Московской консерватории. – 2011. – № 4. – С. 182.
- [34] Тропарь Рождества. Обр. Лядова // Азбука певческая : [сайт]. – URL: <https://azbyka.ru/kliros/> (дата обращения: 15.12.2025).
- [35] Федякин, С. Р. «Симфонические танцы» С.В. Рахманинова в контексте истории русской эмиграции // Ad multos annos [= На долгие годы] : К юбилею В. А. Москвина / Сост.: Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильева [и др.]. – Москва : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына, 2015. – 322-347.
- [36] Фокин, П. Е., Петрова, А. В. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // Неизвестный Достоевский. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 162-195.
- [37] Чайковский, П.И. Переписка с Н.Ф. фон-Мекк : Т 2: 1879–1881. – Москва ; Ленинград : Academia, 1935. – 677 с.
- [38] Чайковский, П. И., Танеев С. И. Письма / ред.-сост. В.А. Жданов. – Москва : Госкультпросветиздат, 1951. – 555 с.
- [39] Шаталова, А. А. Симфонические произведения С. В. Рахманинова как отражение национальной идеи в русской музыке : дис. ... канд. искусствовед. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 73-80.
- [40] Шмелёв, И. С. Про одну старуху : Новые рассказы о России». – Париж : Таир, 1927. – 199 с.
- [41] Шмелёв, И. С. Для России // Шмелев, И. С. Душа Родины : Сб. статей от 1924–1950 г. – Париж : Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris, 1967. – С. 287.
- [42] Шмелёв, И. С. Пушкин: 1837–1937. Речь, прочитанная на торжественном собрании в Варшаве 11 февраля 1937 года // Русская классика: pro et contra : Железный век : антология / Сост.: И.А. Есаулов, Т.Г. Петрова. – Санкт-Петербург : РХГА, 2017. – С. 1012.
- [43] Шмелев, И. С. Собрание сочинений : в 5 т. Т 2: Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. – Москва : Рус. книга, 1998. – 512 с.
- [44] Шмелёв, И. Свет разума. – Париж : Таир, 1928. – 173 с.
- [45] Щенникова, Л. П. Ф. Достоевский и И. Шмелев : компаративистический аспект // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 4(13). – С. 174-180.
- [46] Энциклопедия «Слова о полку Игореве» : В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Санкт-Петербург : Дмит. Буланин, 1995.

RACHMANINOV'S WORKS AND DOSTOEVSKY'S SPEECH ABOUT PUSHKIN

Seregina Natalia Semenovna,
D. in Art History, Researcher,
Russian Institute of Art History (Saint-Petersburg)

Abstract. The author examines Fyodor Dostoevsky's Pushkin speech at the unveiling of the Pushkin monument in Moscow as a significant event in the history of Russian culture. He emphasizes that the ideas about Russian culture expressed in it remain relevant today, making the interest in the speech in the cultural milieu of that time all the more understandable. The author considers Dostoevsky's attention to the theme of Pushkin's speech a special "symptom" of the Russian diaspora, since Pushkin and Dostoevsky primarily constituted the literary interests of its famous representatives, and not only writers (Remizov, Shmelev, and others). The author believes that many of Dostoevsky's pronouncements on Pushkin are applicable to Rachmaninoff's work, both in specific and general terms. The article shows how Rachmaninov's work reflects the historicism of Pushkin's themes, noted in Dostoevsky's speech, and recreates the intonational world of Russia in its historical movements and striving for global responsiveness in works of European programmatic music and in works of Russian programmatic music, representing the world of Russia.

Keywords: Russia's culture code, intonational world of Russia, Dostoevsky's Pushkin speech, A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, S.I. Taneyev, S.V. Rachmaninov, Russian diaspora.

© Серегина Н.С., текст, ил., 2026
Статья поступила в редакцию 27.11.2025.

Ссылка на статью:

Серегина, Н. С. Творчество Рахманинова и речь Достоевского о Пушкине. – DOI 10.34685/HI.2026.23.26.005. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2026. – № 1(63). – С. 37-44. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/738.html&j_id=67.